

О лжи в политике

Заметки об одном неоднозначном явлении

Марина Кукарцева

Человек – существо сложное. Истина и лицемерие – две соревнующиеся модели, коды его поведения. Это относится как к области повседневной жизни, личных отношений, так и к жизни общественной, публичной. При этом ценность истины, правды, следование принципам открытости и доверия кажутся бесспорными.

Откровенное отрицание этой максимы сравнимо с самым гнусным преступлением, духовной болезнью, разрушающей самого человека и провоцирующей глубокие социальные осложнения. Однако абсолютизация самооценки честности и истинности часто приводит к морализаторству, разрыву между морально-должным и сущим, тем, что должно быть, и тем, что есть на самом деле. Обман, жульничество, лицемерие (явные и неявные) в широком смысле являются полезнейшим инструментом мира природы.

Вспомним хотя бы функцию мимесиса, свойственного животному миру. В ходе эволюции человек тоже приобрел эту функцию, ассимилировал её. Н.Макиавелли в этой связи прямо сравнивал человека с животным, а Ж.Пиаже утверждал, что обман – это первое, чему учатся дети, ведь знание ужасной правды о чём-то никому не нужно; чтобы выжить или избежать наказания, её лучше просто не замечать [1]. Более того, многие люди хотят быть обманутыми, «я сам обманываться рад», писал великий русский поэт.

«Особенность самообмана состоит, очевидно, в том, что тут обманывающий, обманываемый и обманутый совмещаются в одном лице и в одной и той же плоскости», – пишет Д.А.Дубровский [2].

Мифоманьяки – люди, отличающиеся непреодолимой склонностью к самообману, во множестве представлены в повседневной жизни и в политике. Дэвид Ливингстон Смит

КУКАРЦЕВА Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. E-mail: mkukartseva@gmail.com

Ключевые слова: политика, мораль, лицемерие, ложь.

полагал, что самообман является инструментом социального манипулирования. «С полной уверенностью можно сказать, что многие американцы искренне наслаждались так называемым искусством обмана. Они восхищались всем, начиная от фальшивых ярмарочных чудес, механических кукол до картин, предполагающих оптический обман. В поп-культуре это течение называется эффект Барнума*. Мистификация и мошенничество порождали увлечение играми в доверчивость, где люди получали удовольствие от замысловатых трюков и желали быть одураченными. ...Вместе с Марком Твенем люди смеялись над «упадком искусства лгать» [3] и оплакивали «распространение жестокой правды» [4].

Можно предположить, что склонность к обману и желание быть обманутым есть некая витальная, складывающаяся исторически характеристика индивидуума, которая его несколько не тяготит и в определённой мере является стимулом развития культуры человечества вообще, становления последнего не как номинальной, а как реальной целостности.

Когда речь заходит о политике, люди перестают быть снисходительными. Там они страстно обли-

чают аморальность и внеморальность, ассоциирующуюся в их сознании с забвением истины, отрицанием правды, ложью и лицемерием. В политике прозрачность, честность и неподкупность большинством людей расценивается как категорический, хотя и труднодостижимый императив.

Так в чём же разница между обычной жизнью, где ложь есть только один из её моментов, и даже необходимый элемент простых правил человеческого общежития (во имя милосердия, выгоды, бизнеса, например), и жизнью политической, где ложь правителей своим гражданам в глазах этих граждан – преступление?

Идёт ли речь о внутреннем содержательном кризисе общечеловеческой морали или об особенностях политики как способа бытия человека.

Можно ли избежать лицемерия в политике, и если нет, то означает ли это, по выражению Ф.Гваттари, «деградацию ткани социальной солидарности»? [5].

Чтобы очертить контуры ответа на первый вопрос, попробуем выявить основу нравственности вообще. Это, на наш взгляд, *совесть*, апелляция к экзистенциальным ограничителям человека**. В обыденной жизни совестью можно и даже нужно в некоторых ситуациях пренебречь,

* Эффект Барнума – социально-психологический феномен, названный по имени популярного в XIX в. американского балаганного антрепренёра Финеаса Тейлора Барнума, которому якобы принадлежат слова: «Каждую минуту на земле рождается простофиля, и любому из них у меня есть что предложить». Эффект Барнума можно сформулировать так: человек склонен принимать на свой счёт общие, расплывчатые, банальные утверждения, если ему говорят, что они получены в результате изучения каких-то непонятных ему факторов» (Энциклопедия практической психологии // URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/effekt_barnuma).

** Совесть – способность человека, критически оценивая свои поступки, мысли, желания, осознавать и переживать своё несоответствие должному как собственное несовершенство (Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А.Ивина. М., 2004)

хотя, конечно, до определённых пределов, чтобы не потерять своё личностное ядро – душу. Максима «живи по совести» на обыденном уровне воспринимается как глупость. Совесть обозначает самого индивида в качестве меры нравственности. А дальше происходит то, что происходит: эту меру устанавливаем себе мы сами.

Размеры искренности и лицемерия определяются в зависимости от ситуации, образования, убеждений. Можно утверждать, что свобода лжи – одна из фундаментальных предпосылок любой моральной системы, а привычка ко лжи укоренена в культуре. При этом мы или видим разницу между нашими фантазиями и реальным миром, фактом, или не видим. Ложь есть необходимая вещь, заложенная в человеке генетически, видовое приспособление человека. Именно поэтому совесть позволяет человеку, как свободному нравственному существу, лгать в конкретный момент времени и в конкретной ситуации.

В политике же, как особой области публичной жизни, отличной от жизни частной, люди требуют соблюдения указанной максимы – жить по совести, а её нарушение воспринимается как предательство и измена. При этом «никто... не надеется найти честность среди политических добродетелей. Обман всегда считался необходимым и позволительным инструментом не только политиков и демагогов, но и государства» [6].

Этот парадокс требует, конечно, отдельного обсуждения. Сейчас же заметим, что люди отчаянно требуют перемен, стоят на Майдане (не всегда за деньги), связывают с этими

переменами лучшие надежды, но при этом отдают себе отчёт в том, что их дело может кончиться ничем.

Почему же идеал нравственности люди так часто помещают в сферу политического и политики?

Ведь именно там циничное замечание Бенджамина Дизраэли о том, что «существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика», становится реальностью. В политике, конечно, можно попробовать не лгать вообще, проблема только в том, что в политике не бывает ситуации вообще, а только конкретная ситуация. Вот там ложь, наглая ложь или статистика, разоблачительная критика, но никак уж не истина и не «души прекрасные порывы» являются единственными инструментами удержания этой конкретной ситуации или её разрешения.

Как сказал наш постпред в ООН Виталий Чуркин об одной вполне конкретной ситуации: «Ложь не обязательно является искажением фактов, но выборочным представлением своей позиции» [7].

А министр иностранных дел России С.В.Лавров, комментируя появившиеся в соцсетях якобы принадлежащие ему высказывания о том, что Донецкая Народная Республика является «террористической организацией», заявил следующее: «То, что вы зачитали, якобы приписываемые мне цитаты, – это просто прямая, неприкрытая ложь. Я знаю, что ложь и полуправда (что ещё хуже) активно используются в ходе украинского кризиса и самими украинскими деятелями, и их западными покровителями, но до такой простенькой придумки они ещё не опускались. Наверное, простого замалчивания фактов для них недостаточно» [8].

Разница между обычной жизнью и жизнью политической в контексте наших размышлений заключается в том, что в первой мы обманываем

себя сами, разрешаем обманывать себя и разрешаем лгать другим, а во второй нас никто не спрашивает, а просто обманывает. В первом случае сознательная ответственность за происходящее делает нас свободными – «свобода лгать», а во втором – мы переживаем чувство «обманутого доверия», не понимая, что в политике мы живём в иной этике, основанной на комбинации общественных и личных ценностей. Наивно было бы строить эту комбинацию на принципах искренности и подлинных истинах. Кроме того, «социальная функция лжи и обмана не всегда негативна. Далеко не всё, что может быть сказано, должно быть сказано» [9].

Исследуя второй вопрос о внутреннем содержательном кризисе общечеловеческой морали и особенностях политики как способа бытия человека, нужно подчеркнуть, что, во-первых, все сегодняшние дискуссии об общечеловеческих нормах и ценностях необходимо рассматривать во вполне определённом политическом (и историческом) контексте. Сами эти дискуссии приобрели особое значение в связи с тем, что в лабиринтах глобализационных процессов поиски удовлетворительных моделей универсального, в которые можно было бы встроить все локальные миры, как западные, так и незападные, пока не дают результатов.

В контексте наших рассуждений следует понять, что задать конкретные общечеловеческие нормы ответственности как безусловный алгоритм действия в определённых ситуациях невозможно. Это потому, что не существует надысторической морали, истины, которую признают все

и к которой все стремятся. Разные субъекты, самореализуя себя, следуют разным принципам нравственного поведения. Либеральный проект демократического мира и неолиберальные ценности, такие как транспарентность, толерантность, политкорректность, «объяввшие» Европу, не всегда отвечают свободному самосо осуществлению нравственного сознания неевропейцев. Но и среди последних нет абсолютного согласия по этому поводу.

Это означает, что нравственный выбор всегда является единичным уникальным событием и никакие ограничительные законы здесь не работают. Истинное исторически меняется, и уловить тот момент, когда захватившее и освободившее нас истинное уже не истинное вовсе, а поработившее нас вымышленное, трудно. В общечеловеческой морали соединяется полнота абсолютности и полнота относительности, порождающие абсолютную относительность истинного. Кризис наступает тогда, когда первое или второе волевым политическим усилием выдаётся за Абсолют, великую Истину, запрещающим свободный поиск.

В этом смысле приметы кризиса общечеловеческой морали существуют. Об этом свидетельствуют сложности осуществления политики мультикультурализма, особенности «цветных революций», акцентирование роли внесистемных акторов международных отношений, последние события на Украине, грозящие так переформатировать систему этих отношений, что принципы Вестфалии или вообще канут в Лету, или произойдёт их новая содержательная трансформация.

Идёт процесс формирования двух разошедшихся миров истинного, и как их соотносить между собой, неясно.

Ни мягкая, ни жёсткая, ни умная сила не приносят искомого результатов, и проблема пока видится неразрешимой, хотя перспективы её решения открываются перед думающим политиком*.

Во-вторых, рассуждая об особенностях политики как способе бытия человека, следует помнить, что всегда «в центре политической игры стоит ложь, т.е. преднамеренный, организованный, просчитанный, регулируемый и необходимый обман. Рассуждения о политике без лжи – это вызывающая и наивная точка зрения, которая приводит к ошибочному суждению. Нельзя верить в то, что политика может существовать без лжи. Политическая жизнь, с её практикой постоянно повышающейся ставки, туго спелена паутиной лжи различной формы и размера» [10]. Поэтому политика с давних времён отождествляется с макиавеллизмом. Не рассуждая сейчас о существовании этого отождествления и не давая ему оценок, обозначим две традиции макиавеллизма, на которые обратил внимание Ф. Анкерсмит, – *arcana imperii* и *raison d'etat* [11].

Arcana imperii – секреты империи, или государственные тайны. Тайны власти и государя Анкерсмит называет экстремальным макиавеллизмом, подчеркивая, что на самом деле

традиция *arcana imperii* идёт не от Макиавелли, а от Тацита. Отличительная черта этой традиции – секретность. Государь, «умный правитель – коварный лис», творит зло вынужденно, прибегает к шпионажу, убийствам, осуществляет перевороты и пр. При этом складывается парадокс «моральности аморального»: мораль сломлена, общественное благополучие достигается преступным путём, но аморальное поведение государя служит общественному порядку.

Правитель вынужден совершать поступки, противоречащие нравственному идеалу, при этом люди могут не знать его истинные мотивы, восхищаются государем, а могут и уличить его во лжи. Но это ничего не меняет – он всё равно будет лицемерить, и было бы наивно обольщаться обратным.

Эта традиция макиавеллизма в целом перестала существовать в XVII в. Ей на смену пришла другая – умеренный макиавеллизм *raison d'etat*** как реализация государственных интересов допустимыми и приемлемыми средствами.

Если в первой традиции ориентиром выступали во многом личные интересы государя, то во второй такой ориентир – интересы государственные.

Традиция *raison d'etat* предполагает открытое допущение зла только в определённых границах, зло (в нашем случае – ложь, обман и лицемер-

* Мы отдаем себе отчёт в том, что решение проблемы морального кризиса не является задачей политиков. Но мы обсуждаем эту проблему не в философском, а в политическом контексте, отсюда и апелляция к политикам.

** *Laissez-faire* (фр.) принцип невмешательства – экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным.

рие) не исчезает совсем, а преобразуется, возникает новая политика между истиной и ложью, новая дипломатия, где зло, если нет другого выхода, скрывается под одеждами чистой необходимости. Это означает, что *arcana imperii* не умирает совсем, не изживается полностью. Тайны и лицемерие вечны, неуничтожимы, ведь если хотим изгнать зло любыми средствами, то неизбежным результатом зло и будет. В политике трудно начинать жить и мыслить по-новому, рано или поздно прошлое настигает любого политика.

Значит ли это, что два понятия – ложь и политика – неразделимы, что политика не означает ничего, кроме «грязных рук», что избежать лицемерия в политике нельзя и этот факт разрушает социальную солидарность? Думаю, считать так было бы неправильно, ведь «были и попытки нивелировать ложь в политике настолько, насколько это вообще возможно.

Например, доктрина Ганди – сатьяграха*.

Другой пример – избирательная кампания Вацлава Гавела и его обещание «жить по правде». Хотя большинством политиков это было воспринято как обычная политическая игра, затеянная во имя сохранения всё той же лжи» [12]. Государственная

Дума Российской Федерации рассматривает закон об объективной истине, правда, применительно к судебной системе: «Документ предполагает серьёзное реформирование принципиальных основ судебного процесса в России. Введение понятия объективной истины потребует от суда активного вмешательства в процедуру доказательства вины подсудимого» [13].

Хочется верить, что в попытках понять друг друга политики сумеют избежать презрения к иным взглядам, осознать существо трудных и неприятных вопросов и обсуждать их искренне, без лицемерия и двойных стандартов. Хочется в это верить несмотря на то, что идеи «большой лжи» и «благородной лжи» сегодня востребованы в политике как никогда, причём это характерно как для недемократических авторитарных и тоталитарных режимов, так и для либеральной демократии со всеми её рассуждениями о доверии, коммуникации, с её толкованием политики как открытой дискуссии, плюрализма различных мнений, ведущих к достижению согласия.

Конечно, бывает ложь в политике, которую трудно осудить, например, ложь, сопровождавшая военное вторжение – «День Д», 70-летие которого сегодня отмечает мировое сообщество**.

* Сатьяграха означает «сила», «правда». Доктрина сатьяграхи сформировалась в Индии в период английского колониального господства и означала тактику ненасильственной борьбы за независимость.

** 6 июня 1944 г. десант западных союзников по антигитлеровской коалиции высадился на побережье Нормандии на севере Франции. Эта дата получила название «День Д». Американскими и английскими спецслужбами была осуществлена огромная работа по дезинформации противника: разработана специальная вспомогательная операция «Фортитюд» для введения в заблуждение противника о намерениях Верховного главнокомандования экспедиционных сил относительно предполагаемого места наступления.

В мировой политике ложь – это обычная практика; время от времени у лидеров государств появляются веские стратегические причины лгать другому государству или своему народу. Эта практическая логика часто затмевает нравственные аргументы против лжи, пишет в своей книге Дж. Миршеймер [14]. А раз это так, то, может быть, и не заставлять политиков растерянно метаться между респектабельной истиной и спасительной ложью? В своё время Л.Н. Толстой предложил «позитивную» программу социальных измене-

ний – «опрощение». Её суть заключается в следующем: для того чтобы искоренить зло (в нашем случае – ложь и лицемерие в политике), нужно «переменить созерцание с безумного на разумное – и только!» [15].

Безусловно, вряд ли такое прямолинейное усилие мысли будет чрезвычайно эффективным, но всё же сможет в чём-то помочь миру: проявить сдержанность в определении истинности, соединить её (там, где это возможно без рисков для этого мира) с произвольной, но взвешенной оценкой и принять верное решение.

Примечания

1. *Кукарцева М.А.* Ложь, истина и феномен доверия как инструменты исторической эпистемологии // Проблемы исторического познания. М., 2012. С. 72.
2. *Дубровский Д.И.* Обман. Философско-психологический анализ. М., 2010. С. 125.
3. *Твен М.* Об упадке искусства лгать. Собр. соч. в 18 т. М., 2002. Т. 13.
4. *Jay M.* The Virtues of Mendacity. Charlottesville and L., 2010. P. 9.
5. *Гваттари Ф.* Язык, сознание, общество. Логос. Кн. I. Разум. Духовность. Традиции. Л., 1990. С. 160.
6. *Arendt H.* "Truth and Politics" // The Portable Hannah Arendt, ed. Peter Baehr (New York, 2000), 545; *Lenan P.* Le mensonge politique. Paris, 1988. P. 7.
7. *Чуркин В.* Ложь не обязательно искажение фактов // URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/05/03/1264131.html>
8. *Лавров С.* В оценке событий на Украине Запад опускается до беспардонной лжи // URL: <http://www.kp.ru/online/news/1732786>
9. *Кукарцева М.А.* Истина и объективность в историческом знании (обзор докладов научного заседания) // Вопросы философии. 2012 // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=562&Itemid=52
10. *Lenan P.* Le mensonge politique. Paris, 1988. P. 7.
11. *Анкерсмит Ф.* Политическая репрезентация. М., 2012. С. 33–47.
12. *Jay M.* The Virtues of Mendacity. Charlottesville L., 2010. P. 132; *Неру Дж.* Моя жизнь. М.: ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ, 1934; *Gavel V.* The Power and the Powerless // Open Letters. N.Y., 1991. P. 132.
13. URL: <http://politsovet.ru/44163-gosduma-primet-zakon-ob-obektivnoy-istine.html>
14. *Mearsheimer J.J.* Why Leaders Lie: The Truth about Lying in International Politics. Oxford Univ Pr, 2011.
15. *Карпунин В.А.* Онтологический аргумент // Логос. Кн. I. Разум. Духовность. Традиции. Л., 1990. С. 160.